

НАШИ ЛЮДИ В ГОЛЛИВУДЕ

ЕЛЕНА МИЩЕНКО
АЛЕКСАНДР ШТЕЙНБЕРГ

ПРИНЦЕССА ОДРИ ОДРИ ХЕПБЕРН

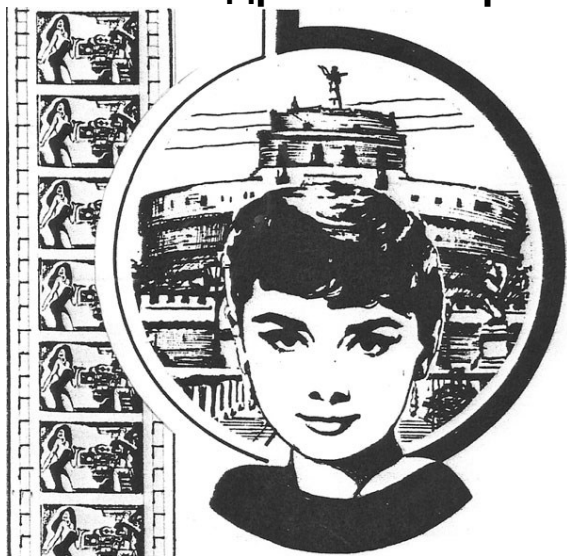

Книга «Наши люди в Голливуде» — это сложные и увлекательные биографии крупных деятелей киноискусства — эмигрантов и выходцев из эмигрантских семей. Это рассказ о людях, которые, несмотря на трудности эмигрантской жизни, достигли вершин в своей творческой деятельности и вписали имена в историю мирового кинематографа.

Книга «Принцесса Одри» посвящена одной из самых успешных актрис Голливуда, блистательной и утонченной Одри Хепберн. Великая актриса посвятила себя не только кинематографу, став в нем легендарной фигурой, но и благотворительности, став символом милосердия и добродетели.

Иллюстрации Александра Штейнберга.

**Елена Мищенко
Александр Штейнберг**

ПРИНЦЕССА ОДРИ
Одри Хепберн (Audrey Hepburn)

«Она — настоящая принцесса. Ей не нужна горошина, чтобы доказать это», — сказала английская королева Елизавета после встречи с Одри Хепберн. Мир поверил в это, потому что девушка с глазами серны, такой чистоты и

неземной красоты, с голосом, который мог растопить лед, с обворожительной несмелой улыбкой не может жить в соседнем дворе. Она — принцесса из доброй сказки и просто сбежала на неделю из дворца, чтобы подарить нам радость.

«Для того чтобы стать звездой, нужно обладать чем-то, что дает лишь Господь. Этому нельзя научиться, с этим рождаются. Когда родилась Одри, Господь поцеловал ее, и вот она здесь, на земле», — эти слова принадлежат знаменитому кинорежиссеру Билли Уайлдеру, который долгое время работал с Одри Хепберн и снял с ней свой знаменитый фильм «Сабрина», получивший награды «Оскара».

Однако эта хрупкая, почти неземная полуэльф, полуженщина обладала удивительной внутренней силой. Ее голос, мягкий и тихий, мог звучать требовательно и убедительно, когда она, представитель ЮНЕСКО, говорила с высоких трибун о трагедии африканских детей. Она, впитавшая роскошь и богатство с молоком матери, хорошо знала, что такое голод и нужда. Она видела войну не в кино, а воочию. Изящная балерина, она помогала сторонникам движения голландского Сопротивления.

Одри Кэтлин ван Хеестра Хепберн-Растон родилась 4 мая 1929 года в Брюсселе. Имя будущего ребенка было приготовлено заранее. Если бы родился мальчик — его бы назвали Эндрю. Девочка получила имя Одри. Она была третьим ребенком баронессы Эллы ван Хеестра. От первого брака у Эллы было двое сыновей — Ян и Александр. Они оба радовались появлению сестрички и впоследствии стали ее настоящими друзьями.

К моменту рождения дочери ее отцу, Джозефу Виктору Растону исполнилось сорок лет. Его прошлое и служебная карьера были довольно туманны. Известно, что он был банковским служащим, любил женщин и пользовался взаимностью.

С баронессой Эллой его в течение четырех лет связывали романтические отношения, которые завершились торжественным бракосочетанием и рождением Одри. Баронесса Элла ван Хеестра всегда помнила о своем благородном происхождении, родовых корнях, которые восходили к началу XV века, о своих предках, которые тесными узами были связаны с королевой Нидерландов Вильгельминой. Она считала, что заслуживает лучшей участи, чем жизнь в

провинциальной Бельгии. «Ну почему, — вздыхала баронесса, — я должна жить в этой глуши, когда на свете существуют Париж и Лондон, Рим и Мадрид».

Обстановка в семье была напряженной, оба — Элла и Джозеф — по характеру были натурами эмоциональными, взрывными, наверное, сказывалась невероятная смесь кровей: у Джозефа английская, шотландская, ирландская, французская и австрийская, и у Эллы — датская, венгерская и большая часть французской.

Джозеф был высоким, статным мужчиной, недостаток волос на голове он восполнял элегантной бородкой и лихими усами, носил твидовые пиджаки, курил трубку, предпочитая душистые табаки, и вообще был неотразим. Постоянные ссоры, казалось, лишь подогревали тлеющий огонь семейных отношений, и Элла всегда одерживала верх в баталиях. Она была рождена актрисой и, по уверению друзей, могла бы стать украшением сцены, но высокое происхождение не позволяло ей воплотить эту мечту в жизнь.

Появление Одри никак не повлияло на взаимоотношения супругов. Достаточно сказать, что в преддверии появления Одри на свет, Джозеф покинул дом, ссылаясь на туманные служебные дела. Одри Хепберн как-то сказала своему сыну

Шону: «Если бы я писала автобиографию, я бы начала ее так: «Я родилась 4 мая 1929 года и умерла спустя три недели». Когда новорожденной был 21 день от роду, у нее внезапно начался страшный кашель. Он продолжался довольно долго, малышка задыхалась, и однажды это привело почти к полной остановке сердца. Мать не обращалась за помощью к докторам, верила в божий промысел и «лечила» ребенка шлепками. Девочке, по сути дела, был предоставлен еще один шанс выжить. Так и продолжалось всю последующую жизнь. Одри часто оказывалась в безвыходной ситуации, и все-таки какие-то могучие силы спасали ее, не давали погибнуть.

Первые несколько лет после рождения дочери неутомимая баронесса постоянно путешествовала, металась между европейскими столицами, никак не находя приюта и покоя. Вместе с ней ездила и крошечная Одри. Девочка росла впечатлительной, предпочитая шумным играм уединение с книгой, игру на фортепиано, а когда ее никто не видел, она, напевая любимые мелодии, танцевала, вглядываясь в смутное отражение высоких старинных зеркал в заброшенных комнатах огромного имения.

Частые поездки в Лондон были также связаны с политическими пристрастиями баронессы Эллы и ее души-супруга. Они оба стали жертвами идеологической пропаганды фашистского

движения. Необходимо сказать, что в 1931 году, за декаду до начала второй мировой войны, слово «фашизм» не звучало так страшно, как это стало впоследствии. Богатые аристократические семьи значительно больше боялись коммунистов и их правления.

Супруги Растоны — Элла и Джозеф — постоянно принимали участие во всевозможных сборах средств, проводили увеселительные балы, приемы и как-то даже были удостоены чести попасть на прием, где присутствовал Гитлер. Он им пожал руки, и сей исторический для семьи момент был запечатлен на фотографии, которая, оправленная в элегантную серебряную рамку, стояла на каминной полке.

Однако фашизм разрастался, и баронесса, будучи человеком разумным и дальновидным, уже понимала, к чему ведут провозглашения чистоты арийской расы, марши чернорубашечников. Электрическая атмосфера накалялась, сгущались тучи и в доме баронессы, и однажды разразилась настоящая гроза.

В мае 1935 года, накануне шестого дня рождения Одри, после очередного скандала в семье Джозеф просто ушел из дома и больше не вернулся. Это было самое страшное детское переживание Одри. «Мать плакала целыми днями, я с ужасом смотрела на ее залитое слезами лицо и задавалась

вопросом: «Что же будет со мной?» С тех пор страх потерять близкого человека навсегда поселился в душе Одри Хепберн. «Я поняла, что любовь и потеря неизбежны».

Почему Джозеф Виктор Хепберн-Растон оставил семью? Одри никогда не касалась этого вопроса. Однако очевидно, что причиной послужила его преданность фашистскому движению. Отец Эллы, старый барон ван Хеестра, не мог более видеть, как огромные средства клана, накопленные в течение столетий, перекачиваются в фашистскую казну. Он поставил ультиматум зятю, потребовав прекратить поддерживать фашистов.

Баронесса страшно переживала уход мужа и, по воспоминаниям друзей, была даже близка к самоубийству. Трагедию разлуки с отцом, которого она боготворила, пережила и Одри. «Если бы я могла видеться с отцом, я бы чувствовала себя намного счастливее, я бы знала, что у меня есть семья». Закончилось тем, что Джозеф Виктор переехал в Лондон, где он был напрямую связан с фашистами, а Элла вместе с тремя детьми уехала из ненавистного Брюсселя в Арnhem — родовое поместье ван Хеестров.

ЖИЗНЬ ПРИ «НОВОМ ПОРЯДКЕ»

Неуклонно приближалась война, и баронесса надеялась пересидеть ее в тишине и покое в своем родовом имении. Несмотря на то, что Арnhem находился всего в 25 километрах от немецкой границы, баронесса верила в то, что их тихий городок не коснется война. Эту уверенность ей придало переданное конфиденциальное сообщение королевы Нидерландов Вильгельмины о том, что немцы не тронут Голландию. Рождество 1939 года прошло спокойно и мирно, однако в апреле появились сообщения о том, что после нападения гитлеровских войск на Данию и Норвегию следующей может быть Голландия.

4 мая Одри исполнилось одиннадцать лет и, задувая свечу на именинном торте, она высказала вслух свое пожелание: «Пусть не будет войны». Однако судьба подарила лишь пять мирных дней. В ночь на 9 мая все изменилось. По иронии судьбы, именно этот день должен был стать радостным для девочки.

В Арnhem приехала балетная труппа из Лондона с примой-балериной, знаменитой Маргарет Фонтейн. Баронесса Элла, как и полагалось по этикету, патронировала местные театры и занималась благотворительностью. Балетный спектакль 9 мая обещал стать настоящим

событием в культурной жизни небольшого голландского города. По замыслу устроителей, после приветственной речи баронессы на сцену должна была выйти Одри в длинном белом платье и преподнести Маргарет Фонтейн букет знаменитых голландских тюльпанов.

Сначала все происходило согласно задуманному сценарию. Однако как только баронесса произнесла слова благодарности, раздались звуки взрывов, они сменились гулом летящих самолетов....

На сцене поспешно задернули занавес, люди в панике вскочили с мест и бросились бежать, спеша занять места в автобусе. Красные тюльпаны были разбросаны по полу, изысканные блюда приготовленного торжественного ужина попросту выбросили. Таким было начало войны для семьи баронессы Эллы ван Хеестра и ее дочери Одри.

Наступившее после бессонной ночи утро 10 мая не принесло облегчения. Самолеты с оглушающим ревом все так же продолжали низко пролетать над домами, сея страх и панику среди населения. «Нам запретили открывать занавеси и подходить к окнам, — вспоминала впоследствии Одри Хепберн. — Нацисты пришли в наш город, вооруженные танками и смертоносным оружием». Так же, как и все голландцы, жители Арнхема не знали, что делается в мире, какова обстановка на

фронтах. Немцы взяли полный контроль над радио и газетами, сообщая только об успехах своей армии и ни слова не говоря о продвижении союзнических войск.

У 11-летней Одри еще не было удостоверения личности — *persoonsbewijs*, оно выдавалось по достижении 15 лет. Там обычно была фотография, подпись, отпечатки пальцев и большая буква «J» (Jude), если это был еврей. Это облегчало задачу уничтожения евреев.

Среди благородных предков ван Хеестра были евреи, но для обнаружения этого требовалось тщательное изучение родового древа, у гестаповцев не было на это времени, поэтому в удостоверениях личности представителей этого клана не стояла буква «J». Однако ван Хеестра не избежали конфискации имущества, закрытия банковских счетов, изъятия денег, драгоценностей, недвижимости.

Жизнь при «новом порядке» резко отличалась от той, которую они вели в мирное время. Для начала большая часть родового имения была превращена в постой для нацистских офицеров. Баронесса с детьми вынуждена была оставить свой уютный красивый дом и переехать в небольшую квартирку на окраине. «Германский порядок» изменил все, люди боялись друг друга, научились не задавать вопросов, евреи прятались в подвалах и

в укрытиях. Даже самые близкие родственники порой не знали, где укрываются члены их семей. Старший сын баронессы Александр незадолго до начала войны пошел служить в армию. С приходом нацистов он прятался у знакомых и друзей. Одри никогда не спрашивала, где ее брат, мать, опасаясь за судьбу сына, все равно не открыла бы этой тайны.

В августе 1942-го нацисты нанесли удар в самое сердце большой и могущественной семьи ван Хеестра. Был казнен Отто ван Лимбург Стирум, 49летний муж старшей сестры Эллы. Нацисты устроили показательный расстрел, выбрав пять самых известных и уважаемых людей Голландии, возложив на них ответственность за движение Сопротивления. Если баронесса Элла когда-то испытывала симпатии к немцам, то с расстрелом Отто у нее было все больше поводов прекратить флирт с фашизмом.

К началу войны младшему сыну Яну исполнилось 18 лет, он должен был идти в армию, служить во славу.

Третьего рейха. Юноша, конечно же, мог, подобно старшему брату Александру, спрятаться или поменять место жительства, но он не хотел оставить мать и младшую сестру без мужской поддержки и остался дома. Последствия оказались губительными для Яна. Летом 1943 года

гестаповцы угоняли на работу в Германию всех работоспособных мужчин в возрасте от 16 до 40 лет. Ян оказался одним из тысячи «рабов», дальнейшая его судьба осталась, несмотря на прилагаемые усилия что-либо узнать, неизвестной. Одри и ее мать лишь украдкой издали видели его, когда фашисты загоняли толпы пленных в товарные вагоны. Баронесса известила об этом и старшего сына Александра. Он, рискуя жизнью, пробрался на вокзал, из-за колонны глядя на мать, сестру и младшего брата. Вот такой была последняя встреча семьи баронессы ван Хеестра.

Оставшись вдвоем, Одри и мать поддерживали друг друга, по возможности помогая друзьям, а часто и незнакомым людям, пережить страшные годы оккупации. Они постепенно примкнули к подпольному движению Сопротивления. Баронесса передавала информацию, которую ей удавалось услышать, благодаря сохранившимся связям, помогала собирать деньги, еду. Сначала ей не очень доверяли, помня о довоенных симпатиях нацистскому движению, но постепенно она завоевала доверие лидеров голландского Сопротивления.

Одри выполняла функции связной, передавала секретные пакеты, отважно разговаривала с немецкими солдатами, отвлекая их внимание. Она

научилась быть изобретательной, маскировать свои чувства, улыбаясь фашистам.

Как-то она должна была передать важную информацию английскому летчику, который прятался в лесу. Идя на встречу с ним, Одри увидела двух немецких солдат. Сделав вид, что собирает цветы, девушка улыбнулась им и протянула маленький букетик. Очарованные ею, они ушли, а Одри передала летчику секретную инструкцию.

Выполняя очередной раз поручение подпольщиков, Одри проходила мимо железнодорожного вокзала. Увиденное потрясло ее — фашисты загоняли в товарные вагоны еврейские семьи. «Они заталкивали женщин в один вагон, мужчин — в другой, отбирали детей у матерей и бросали их в грузовик. Страшные крики, истерики, плач детей — это забыть невозможно», — рассказывала много лет спустя Одри Хепберн.

В мае 1944 года они вдвоем с матерью праздновали ее 15-летие. Несмотря ни на что, баронесса приготовила праздничный ужин, впервые он был столь спартанским. Меню состояло из листьев дикого салата, супа, в котором плавали две драгоценные картофелины, а вместо именинного торта баронесса положила в тарелку собранные в лесу ягоды земляники и поставила в середину тоненькую свечку. Худенькая от рождения, Одри за

время войны исхудала еще больше, она так же, как и ее мать, страдала от приступов астмы, хронических головных болей, обе женщины находились в стадии крайнего истощения.

Позади была одна тысяча шестьдесят три дня войны, но, как оказалось, худшее еще было впереди. Наступила зима, самая суровая из всех предыдущих. Транспорт не работал, реки и каналы замерзли, были остановлены и без того скудные поступления еды и топлива. Голландия была обречена на голодную и холодную смерть.

Новый 1945 год принес в город эпидемию туберкулеза, по улицам тянулись похоронные процессии. Случалось, что в гроб клали по нескольку человек. Нацисты разъезжали по улицам в щегольских машинах, патрулировали улицы. Ходить по городу было небезопасно: заведя молодых людей, немцы их арестовывали, везли в гестапо. Оттуда, как правило, не возвращались...

В один из холодных январских дней, закутавшись в просторное пальто матери, Одри пошла по ее поручению. Как только она завернула за угол, перед ней вырос вооруженный автоматом немецкий солдат, который выстроил пятерых девушек лицом к стене. Он приказал Одри присоединиться к ним, сказав, что скоро за ними приедет грузовик и отвезет их в гестапо. Одри, моментально оценив ситуацию, поняла, что

единственный выход — это побег. Улучив момент, когда солдат опустил ружье прикуривая сигарету, она с быстротой молнии рванулась и, повернув за угол, помчалась по пустынной улице. Увидев подвал разрушенного дома, Одри проскользнула туда и притаилась. Она решила дождаться темноты и потом осторожно выбраться наружу. К счастью, уходя из дома, Одри взяла с собой горбушку горохового хлеба и небольшую бутылку с водой. Уставшая и измученная, укутавшись в пальто, Одри заснула. Очнувшись, она потеряла счет времени. Сколько дней или ночей она провела в подвале заброшенного дома — девочка не знала. Когда она выбралась наружу — была ночь... Когда баронесса Элла увидела свою дочь, она чуть не лишилась чувств, ведь она была уверена, что и Одри постигла участь Яна, что ее забрали гестаповцы.

1 мая немецкое радио принесло потрясающую новость: рейхсфюрер умер на служебном посту, однако спустя некоторое время английская радиостанция BBC сообщила, что Гитлер покончил жизнь самоубийством. 4 мая — день 16-летия Одри Хепберн стал днем освобождения Голландии. Самое сладкое слово — это слово «свобода». «Мы все совершенно сошли с ума от счастья, мы танцевали на улицах, обнимались, мы были счастливы, что остались живы. Война научила нас многому — мы поняли, что такое жизнь, поняли,

что человек в состоянии вынести намного больше, чем это кажется. Мы запомнили навсегда, что такое фашизм. Это намного страшнее, чем вы можете представить. Я выжила и поняла, что человеческие отношения — самая важная вещь в мире, намного важнее, чем богатство, роскошь, карьера», это слова Одри Хепберн.

БАЛЕРИНА ОДРИ

Ко времени окончания войны Одри была похожа на призрак. Анемичная, болезненно тоненькая, она напоминала слабую травинку, но, несмотря на это, ее главной мечтой был балет. После провозглашения победы в Голландию хлынули посылки с едой, вкусными, давно забытыми вещами, одеялами — Организация Объединенных Наций, Красный Крест помогали пережившим войну.

Одри Хепберн вспоминала, как она могла за один присест съесть банку сгущенного молока — казалось, нет ничего на свете вкуснее! Она немножко поправилась, появился вкус к жизни, и самое главное — Одри начала танцевать. Балет — вот что было ее главной мечтой, она представляла себя на сцене, танцующей партию Жизель. О, как бы она была хороша в длинной балетной пачке.

Девочка становилась на носочки и повторяла все, чему ее учили до начала войны.

Баронесса понимала, что жить в разрушенном Арнхеме далее невозможно, и они с Одри переехали в Амстердам, где Элле пришлось сменить несколько работ, прежде чем она стала работать в цветочном магазине. Одри мечтала учиться балету, а это стоило немалых денег. Ее педагогом стала прекрасная балерина Соня Гэскелл, которая в свое время брала уроки у известной русской танцовщицы Любови Егоровой. Соня была очень требовательным педагогом, и Одри стала ее любимой ученицей. В мае 1946 года состоялся концерт учеников Сони Гэскелл, Одри заметили, и в газете *Algemeen Handelsblad* появилась небольшая заметка об этом событии. Было написано, что «молодая балерина Одри Хепберн, несомненно, талантлива». Так впервые в прессе появилось профессиональное имя будущей кинозвезды.

Голландия возрождалась из пепла, оживилась и артистическая жизнь. Появились новые театры, развивалась киноиндустрия. Кинорежиссер Чарльз ван дер Линден увидел 17-летнюю Одри в одном из балетных спектаклей. Его тронули непосредственность и чистота девушки. Что ж, пожалуй, он открыл длинный список продюсеров и режиссеров, которые впоследствии попадут под ее

очарование. «Одри излучает солнечный свет, неважно, говорит она что-нибудь или просто молчит, лишь одно ее присутствие в кинокадре заставляет зрителей смотреть на нее», — сказал он и предложил ей главную роль в фильме «Голландский язык за семь уроков». Бюджет фильма был очень скромным. Фильм не представил особого интереса, но публика ходила посмотреть на новую актрису.

Одри радовалась своему первому киноопыту. Безусловно, ей было приятно внимание публики, но она мечтала об иной карьере — балет оставался главной мечтой. Однако путь предстоял долгий: первый этап — профессиональное обучение в балетной школе, которой руководила известный балетмейстер Мэри Рэмберт. Дело осложнялось тем, что школа находилась в Лондоне. Оформление виз заняло довольно долгое время, но, в конце концов, настал долгожданный день 18 декабря 1948 года, когда баронесса и Одри отправились в путешествие.

Одри много слышала о Мэри Рэмберт — слухами, как известно, земля полнится. Однако то, что она увидела, превзошло все ожидания. Мэри, или Мадам, как она хотела чтобы ее называли, была необыкновенно энергичной маленькой женщиной в плотно обтягивающем черном трико с наколенниками, на ней была надета немислимого

цвета просторная блуза и странная шляпка. Услышав, что баронесса и Одри явились к ней прямо с дороги, Мадам немедленно усадила обеих пить чай с бисквитами, а уж потом начала говорить об учебе. Впоследствии она оказалась необычайно строгим и требовательным педагогом, но временами Мадам была сентиментальна и даже позволяла себе погладить Одри по голове.

Жизнь в Лондоне была полна сложностей и неудобств для обеих — матери и дочери. Они жили в маленькой комнатухе, в которой едва помещалась кровать и раскладное кресло. Недельный рацион каждой из них состоял из одного яйца, нескольких ломтей хлеба, трехсот граммов мяса и ограниченного количества сахара, чая и сливочного масла. На черном рынке можно было купить все — от бананов и заморских сладостей до толстенных плиток шоколада, который так любила Одри, но катастрофически не хватало денег. Баронесса не гнушалась никакой работы. Однако то, что она зарабатывала, уходило без остатка на оплату обучения и скудного существования. Обе не раз задумывались — стоила ли их полная лишений жизнь таких жертв? Сможет ли Одри стать примой-балериной? На этот вопрос Мадам ответила с присущей ей прямоотой: «Нет». «Одри — прекрасная, очень способная ученица, труженица, но ее слишком высокий рост не